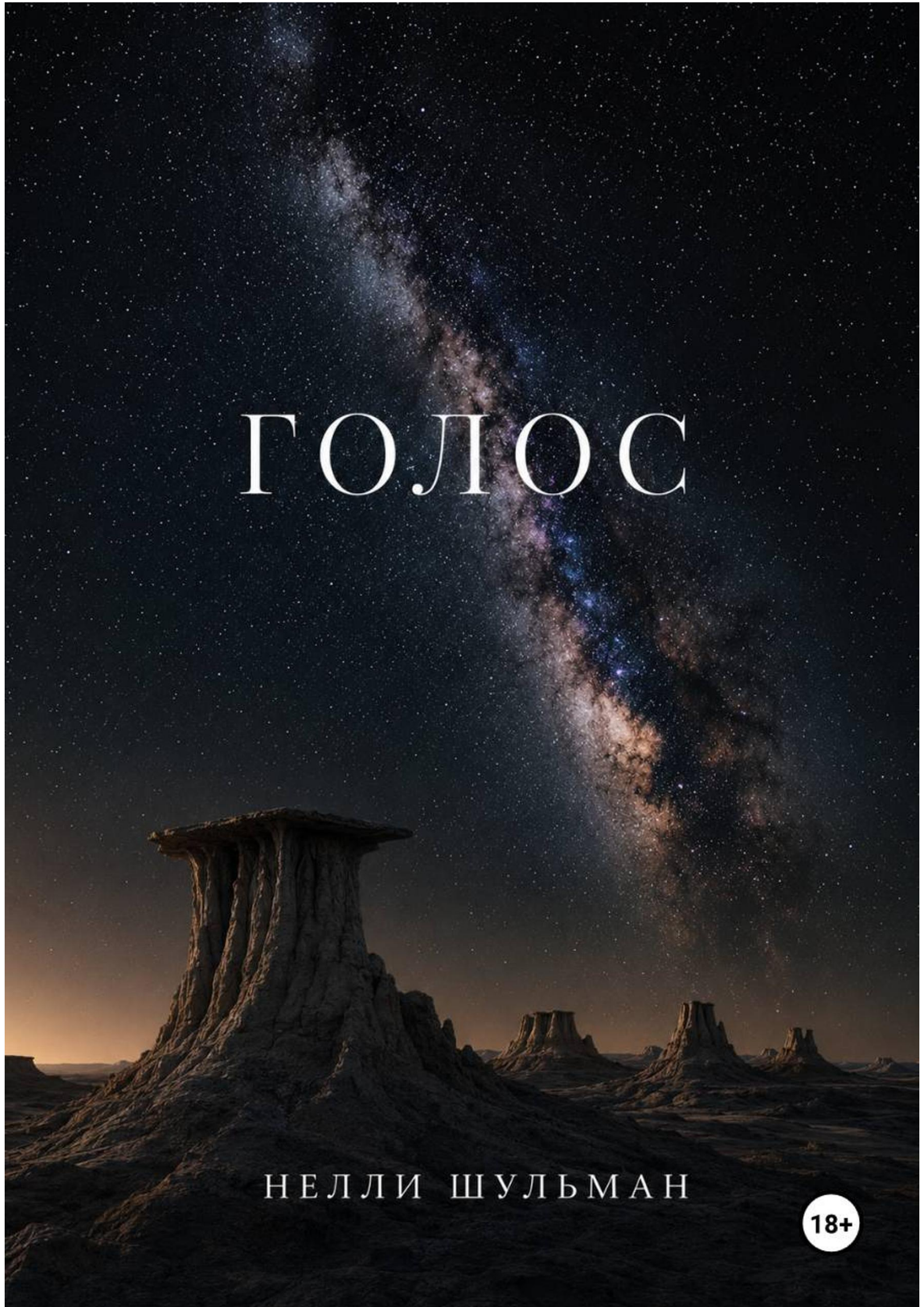

The background of the entire image is a surreal landscape. In the foreground and middle ground, there are several large, mushroom-shaped rock formations, similar to the buttes in Monument Valley. The rocks are dark and textured, with some light reflecting off their surfaces. The sky is a deep, dark blue, filled with countless stars. A prominent feature of the sky is the Milky Way galaxy, which appears as a bright, glowing band of light and dust, stretching diagonally from the upper left towards the lower right. The overall atmosphere is mysterious and cosmic.

ГОЛОС

НЕЛЛИ ШУЛЬМАН

18+

Нелли Шульман

Голос

«Автор»

2026

Шульман Н.

Голос / Н. Шульман — «Автор», 2026

Близкое и далекое будущее, освоенный Марс и неведомые планеты, встречи с иным разумом и путешествия в прошлое. Сборник научно-фантастических рассказов.

© Шульман Н., 2026

© Автор, 2026

Нелли Шульман

Голос

Авессалом

Серебристая мантия облаков окутывала диск планеты. Корабль парил в экзосфере. Сверкал огонь молний, закручивались спирали туч. Над материками и океанами неслись ураганы, а свинцовая мощь дождей разбивалась о вздымающиеся в небо горные хребты.

На капитанском мостике «Стремления» царил тишина. Корабль сканировал облачный слой. Зеленоватые силуэты на экране расплывались. Очертания равнин и остроконечных пиков сменялись пляской помех. Мо Тьеран откинулась в штурманском кресле.

– Михаэль, планета надежно защищена, – осторожно сказала женщина. – Наверняка, сюда бежали изгои, не желавшие подчиняться Императору.

Императорский крылатый меч на штандарте «Стремления» сменился перекрещенными эллипсами со звездами Содружества.

«Стремление» больше пригодилось бы на другой стороне галактики, где шли бои с силами, верными старой власти. Однако лучший десантный корабль бывшей Алмазной Эскадрильи торчал в глухом углу, где и в старые времена было никого не встретить.

Здесьние звездные системы славились безжизненностью. Перед рейдом они изучили скудные сведения о районе, собранные имперской службой внешней безопасности. Систему Сокола никто не колонизировал.

На экране Мо ползли крючки имперского шрифта. Считалось, что древним императорам его даровал Владыка Вселенной, легендарный прародитель династии. Шрифт напоминал письменность Легиона, как в империи называли народ Михаэля.

Муж невесело сказал Мо:

– Не сомневаюсь, что императоры украли нашу письменность. Мы всегда славились ученостью, но после Третьего Изгнания у нас не осталось наставников, потому что все они погибли вместе с планетой.

Пять императорских эр назад планету народа Михаэля уничтожили в наказание за участие в восстании. Уцелевших собрали в Крепости, центральной планете Империи, где среди бездонных океанов вздымались в пасмурное небо пики неприступных дворцов.

Мо, тоже выросшая в интернате, не расспрашивала о детстве мужа.

– Легион не пользовался привилегиями, – заметил Михаэль. – Наоборот, мы должны были умереть за императора.

Крючки на экране Мо остановились и она громко прочла:

– Сокол, звезда десятого разряда, – астрономическую номенклатуру тоже придумал Владыка Вселенной. – В системе восемь необитаемых планет. Колонизация нецелесообразна, так как атмосфера непригодна для дыхания.

Михаэль вывел на экран данные сгоревшего зонда. Перед гибелью автомат передал «Стремлению» сведения о составе атмосферы. Зонд могло не пустить дальнее пресловутое защитное поле.

Михаэль не верил в способность изгоев окружить себя такой автоматикой, однако зонд мог натолкнуться и на шальную молнию. Аппарат спустился в тропосферу, где зарождались местные грозы.

Серая планета, простирающаяся под «Стремлением» была способна поддержать жизнь.

– Восемьдесят семь процентов кислорода в атмосфере, – капитан нахмурился. – Кажется, данные императорских архивов удачно подтасовали.

Мо покрутилась в кресле.

– За что полагалась аннигиляция, – отозвалась женщина. – Никто из твоих соплеменников не пошел бы на такой риск, Михаэль.

Легион славился преданностью, как выражались в имперских реляциях, превосходящей человеческие ожидания. В интернате Мо слышала легенду о бойцах Легиона, покончивших с собой в осажденной императорской резиденции, однако не сдавшихся на милость врагов.

Михаэль хмуро сказал:

– Не знаю, случилась ли история на самом деле. Наши наставники утверждали, что да, однако они были верными слугами императора.

Михаэль не любил вспоминать детство, проведенное в подземельях Крепости. После гибели родной планеты Легионеров службы безопасности начали охоту за горстью выживших. Взрослых уничтожили, а детей подвергли бесповоротной генетической модификации, создав расу беспрекословно подчиняющихся приказам бойцов.

Кроме официального названия, у них имелась и кличка. После падения Крепости и гибели императора к ним больше не обращались, как ко Псам, однако Михаэль предполагал, что на задворках обитаемого мира его ждет именно такой прием. Многие утверждали, что могут распознать Псов по лицу.

– Ерунда, – заметил Михаэль жене. – Мы выглядим по-разному, но одно у нас остается неизменным, – он замолчал и Мо погладила его по руке.

– Поэтому мы и отправляемся в систему Сокола, милый.

Генетическая модификация, проведенная имперскими учеными, обеспечивала чистоту крови. Подросткам все объясняли на особых уроках.

– Вы все внесены в базу данных, – наставник расхаживал среди облаченных в серое учеников. – Когда настанет время, вас вызовут для исполнения долга перед империей.

К облегчению Михаэля, восстание против императора началось незадолго до его восемнадцатилетия, времени начала выполнения пресловутой обязанности.

– В последние десять лет я только и делал, что воевал, – он оценил свинцовую пелену облаков. – Хватит висеть, надо садиться.

Капитан взглянул на штурмана, бортового врача и бортового ученого. Мо вскинула изящную бровь.

– Под нами материк, расположенный ближе к экватору планеты. Не промахнись, потому что рядом океан с неизвестными погодными условиями.

Капитан Мандельбаум пробормотал: «Сейчас и узнаем». «Стремление» ринулось в сердце спирали урагана.

Ее вызвали к Императору вечером. На личном экране завертелся крылатый меч. Шуламмит едва вернулась с тренировки подразделения. Легионеры жили в особом крыле императорского дворца, соединенном с главными зданиями подводными коридорами.

В Крепости всегда царила хмурая погода. Бесконечный океан прерывался редкими скоплениями скал. Императорские дворцы возвели задолго до уничтожения Убежища, родной планеты народа Шуламмит.

Капитан Мандельбаум слышала об Убежище на уроках истории в закрытом интернате. Детям рассказывали, что их народ выступил против власти императора.

– Что надо сделать с такими людьми? – инструктор обводила строгим взглядом ряды девочек и мальчиков.

– Уничтожить, уничтожить, уничтожить, – скандировали ученики. Инструктор удовлетворенно кивала.

– Молодцы, однако императоры пощадили лояльную часть нашего народа и мы стали...

На стенах плясали золотые мечи и дети кричали: «Легионом!». Законы Империи назывались «Тринадцатую основами веры» и детям преподавали их с младенчества.

– Я верю полной верой, что Император, Чье имя благословенно, творит и правит всеми творениями. Только Он один создавал, создает и будет создавать все существующее...

Все Легионеры повторяли законы три раза в день.

– Да будут они знаком на руке твоей и печатью на челе твоём, – Шуламит надела браслет и обруч Легиона. – Обсуждайте их дома и в пути, отходя ко сну и вставая утром.

Она не знала, зачем ее зовет Император. Внутри поселилось нехорошее чувство, однако Шуламит напомнила себе, что Император всегда заботится о Его подданных.

Остановившись у экрана, женщина окинула себя придирчивым взглядом. Искрилось золото браслета и обруча, а серебристая накидка оттеняла белокурые, коротко стриженные волосы. Глаза засверкали лазурью и Шуламит вскинула голову.

Она никогда не видела Владыку вблизи. В Крепость допускались только избранные сановники, чьи космические корабли садились на искусственном спутнике, надежно защищающем планету от любой атаки. В отдаленном районе Крепости выстроили платформу для швартовки орбитальных ботов. Легион сопровождал вельмож к Императору, никогда не покидающему Крепости.

Закованная в гранит платформа подъемника приняла Шуламит. Каменные стены шахты дышали льдом.

Телепортация в Империи разрешалась только в особых случаях, а в Крепости из соображений безопасности этим транспортом не пользовались вообще. Над ревушим океаном шныряли прозрачные крылатые лодки.

Шуламит видела другие планеты Империи только на экранах. За пределами Крепости появились новые машины, однако здесь все оставалось таким, как во времена первых Императоров, до разрушения Убежища и до того, как ее народ предал Императора.

Убежище уничтожили пять имперских эр назад, однако капитан Легиона до сих пор чувствовала вину перед Владыками.

Рядом с массивными воротами с чеканными крылатыми мечами переливался золотом экран. Браслет замигал бронзовыми огоньками и Шуламит вошла в пронизанные огнем факелов личные покои Владыки.

«Стремление» ползло в плотном слое облаков, застилающем неизвестный материк на третьей планете системы Сокола.

Среди бывших повстанцев, а ныне капитанов звездного флота Республики, Михаэль славился невозмутимостью. Его ладони уверенно лежали на системе ручного управления кораблем. Автопилоты в сложных атмосферных условиях были практически непригодны, но Мо подозревала, что муж не включил автопилот и по другой причине.

– Он опасается наткнуться на охранный щит, – Мо незаметно разглядывала его сосредоточенное лицо. – Он всегда осторожен, но сейчас надо быть осторожными вдвойне.

Мо упомянула об охранным щите больше из желания поддержать мужа. Автоматы часто пасовали перед атмосферными явлениями. Не веря, что под ними обитаемая планета, штурман решила промолчать.

Пять лет назад повстанцы обнаружили имперские архивы, эвакуированные с Крепости, из которых Михаэль узнал имена своих родителей. С тех пор он не оставлял надежды отыскать отца. Из документов следовало, что Шуламит Мандельбаум, капитан личной императорской охраны, скончалась после рождения ребенка. Дети Легиона всегда росли в интернатах, не зная родителей.

– Наши браки не поощряли, – невесело сказал муж. – Имперские чиновники считали, что они лучше разбираются, кто и когда должен появиться на свет. Но если мой отец был заключенным, то почему он участвовал в программе размножения?

Имперская генетика оставалась неумолимой. Легионеры могли заводить детей только от своих соплеменников. Мо возразила:

– Понятно, почему. Твоего отца осудили на вечную каторгу, но наказание не умалило его гениальности. Империя надеялась, что ты унаследуешь его таланты.

Элияху Бен-Шалом считался самым даровитым генетиком Империи. Михаэль кивнул.

– Ты права, а моя мать могла тайно поддерживать повстанцев и знать моего отца до его ареста.

Бен-Шалом отправили на каторгу за пять лет до рождения Михаэля. Капитан Мандельбаум ожил.

– Думаю, что все случилось именно так. Что касается каторги, то отец сидел в системе Ящерицы, за углом отсюда.

По дороге к системе Сокола «Стремление» миновало бывшие тюремные планеты. Сейчас система Ящерицы опустела, а каторжане рассеялись по новому Содружеству.

Михаэль предполагал, что небесные тела приведут в порядок, но пока Содружество больше беспокоили остатки Легионеров, сражающиеся на окраинах бывшей Империи.

Архивные документы утверждали, что Михаэль был единственным ребенком. Шуламид Мандельбаум тогда исполнилось двадцать пять лет. Даже выжила мать, она все равно не смогла бы найти Михаэля. Легионеры понятия не имели, где росли их дети и не знали их имен, но всемогущая имперская бюрократическая система хранила все документы.

– Чтобы не случилось кровосмешения, – Михаэлю стало горько. – Я рос на той же планете, однако ничего не подозревал.

Дети Легионеров проходили строгий отбор имперских чиновников. Неполезные экземпляры, как выражались архивные документы, умерщвляли. Мо удивилась такому подходу.

– Почему вас не отправляли во второразрядные интернаты? – спросила жена. – Империи всегда требовалось пушечное мясо.

Мо выросла в унылой системе Кузнеца, среди усыпанных шахтами планет, в облаке темного смога под тусклой звездой, вокруг которой вращались мастерские Империи, как их называли в старых новостях.

Михаэль пожал плечами.

– Генетику никуда не денешь. Ребенок с родимым пятном или шестью пальцами оставался Легионером. Мы опасны, милая, – его голубые глаза холодно сверкнули, – потому что мы ничего не боимся и не умеем предавать.

Мо хмыкнула.

– Действительно, повстанцами стали только молодые Легионеры, которым не успели задурить голову имперской шелухой.

Михаэль согласился:

– Не успели, но остальным не повезло. Они либо положили свою жизнь к ногам Владыки, – он искусно передразнил интонации имперского диктора, – либо бесследно сгинули, как мой отец.

Михаэль направил «Стремление» в затянутый легкой дымкой разрыв туч. Медные лучи заиграли на обшивке корабля и Мо коснулась зеленого значка послания, переливающегося на ее личном экране.

– Мы пришли с миром, – сказала женщина. – Говорит «Стремление». Мы представляем силы Содружества и мы пришли с миром.

Черный экран молчал и штурман вздохнула.

– Кажется, планета необитаема, хотя они могут нас не слышать, – ей хотелось поддержать мужа. – Ты говорил, что имперский язык похож на ваш?

Михаэль откликнулся:

– Да, но только на очень старый. На нем говорили до Третьего Изгнания, а сейчас он остался только в книгах.

«Стремление» нырнуло вниз. Устроившись в штурманском кресле, обхватив колени руками, Мо стиснула смуглые пальцы. Однажды она напомнила мужу, что полыхающая война оставила много сирот.

– Можно усыновить малышей, – заметила Мо, – но ты ведь хочешь найти отца не только из-за его работ по генетике?

Михаэль покачал головой.

– Нет. Твои родители были шахтерами и ты попала в интернат после их гибели. Я ничего не знаю о своей матери, Мо, потому что мне ничего не рассказывали. Я должен отыскать отца или хотя бы постараться это сделать.

Свет в рубке стал ярче и Михаэль пробормотал:

– Экипаж, приготовиться к посадке.

Кресло привычным жестом обняло Мо и женщина закрыла глаза.

– Легионеры действительно никогда не сдаются.

Сегодня старик проснулся рано. Обычно он предпочитал поваляться в постели, нежась в рассеянном свете утра, слушая шелест диковинных местных деревьев.

Третья планета Сокола оказалась гостеприимной к разношерстной компании, сбежавшей с вечной каторги на ледяных просторах Ящерицы.

– У нас каждой твари по паре, как в Писании, – старик потянулся. – Наверное, я последний, кто помнит Писание.

Он был единственным Легионером среди беглецов. На каторжных планетах его соплеменников обычно называли Псами. Каторжане видели Псов на ежедневной трансляции из Крепости, где они охраняли трон Владыки.

Элияху Бен-Шалом сомневался, что кому-то удастся проникнуть в Крепость, но ритуал оставался неизменным. От Легионеров ждать бунта не стоило. Древние имперские генетики поработали на совесть, изменив характер немногих выживших после Третьего Изгнания.

Однако иногда генетический код сбоил.

– Например, в моем случае, – хмыкнул старик, – или у Шуламит, хотя она взбунтовалась по другим причинам.

Бен-Шалом всегда вспоминал о девушке с горечью. Отогнав мысли о Шуламит, он поднялся.

Поселение выстроили в прохладной роще под склоном пологой горы. На вершине холма торчали остатки древних укреплений из местного светлого камня, хранившего тепло и защищавшего от сырой зимы. Хижины они тоже сложили из таких плит.

Здесьние места напоминали Бен-Шалому края, описанные мудрецами его народа в расказах о Первом и Втором Изгнании. Элияху считал тексты откровенными мифами.

– Ерунда, – он остановился на пороге. – Якобы когда-то человечество жило на одной планете.

Согласно легенде, предки Легионеров, лишившись Храма, были изгнаны со своей земли, а потом и остальные люди покинули умирающее небесное тело. Элияху не верил в сказки мудрецов. Никакая планета не вместила бы население Империи, где давно строили подземные и подводные города.

– Нам простора хватает с лихвой, – Элияху послушал утреннюю тишину. – Кроме нас, на планете никого нет.

В поселении стоял на приколе древний космический бот, на котором они бежали из системы Ящерицы, однако горячее закончилось и взять его на планете было неоткуда. Изгнан-

ники почти не исследовали местность, куда двадцать лет назад опустился бот. Они только выбрались на запад, где лежало море, и на юг, где простиралась безжизненная пустыня.

Им было хорошо и здесь, среди поросших колючими деревьями холмов, на берегу маленькой реки. Зеленый плющ карабкался по каменистым склонам, а странные деревья с пятистыми стволами шелестели острыми, приятно пахнущими листьями.

– Надо набрать букет, – решил Бен-Шалом. – Сигаль обрадуется.

Его жена решила называть себя именно так.

– Чтобы мне было привычней, – Элияху сгибал податливые ветви. – Она понимает, что мне одиноко без моего народа.

В последний раз Бен-Шалом видел Легионера двадцать восемь лет назад.

– Ее звали Шуламит, – он закрыл глаза, – словно в той песне из Писания.

Личная гвардия Императора знала только разрешенную часть Писания.

– Око за око и зуб за зуб, – вздохнул Бен-Шалом. – Почитай Императора, чтобы продлились дни твои на земле.

В нос ударил аромат курений. Лязгнули ритуальные щиты и холодный голос сказал:

– Оставьте нас одних.

Рассматривая смуглое лицо, каторжанин понял, что официальные художники не украшивали портреты Владыки, которыми пестрили планеты Империи. Их вешали в детских интернатах и на подземных заводах, в научных лабораториях и на военных кораблях. Лик Императора парил на небе и отражался в морской глади.

По дороге сюда Элияху в первый раз за пять лет увидел океанские волны. Прозрачная лодка парила в напоенном бурей влажном воздухе. Валы вздымались ревущими чудовищами, а на горизонте сверкали разряды молний. Лодка резко взмывала вверх, отклоняясь от пенного гребня.

В сером мареве поднимались в небо уступы темного гранита. Вершина императорского дворца терялась в тучах, а над огромными воротами парил испускающий сияние бронзовый меч.

Его обездвигили дисциплинарными разрядами. Каторжник не мог двинуться с места, однако при виде меча Легионеры в лодке поднялись. Его тюремные сопровождающие остались на платформе, куда садились планетарные боты и где Элияху перешел в руки соплеменников.

Он не любил старую кличку Легионеров, однако его сопровождающие действительно напоминали псов. Поджарый парень за рулем лодки осторожно ввел судно в раскрывшиеся ворота.

Внутри ветер утих. Стены уходили в облака, а под ними простирался черный колодец воды. Посадочную площадку тоже отметили мечом. Лодка опустила крылья.

Девушка в серебристом форменном плаще приложила к его запястью браслет. По мышцам пробежали острые иголки и Элияху поморщился. Обездвиживающие разряды для транспортировки не отличались силой, однако оставляли неприятное чувство. Второе движение браслетом подняло его из кресла.

Легионеры носили не только блестящий браслет, но и золотой обруч. До Третьего Изгнания такой наряд надевали для посещения храма, а не для пыток инакомыслящих. Браслет и обруч могли убить человека на месте.

Элияху велел себе не думать об охранниках, но ничего не получалось. Псы оставались частью его народа. Плащи императорской охраны отмечал шестиконечный щит. До ареста он тоже носил на шее похожий амулет.

Ритуальные щиты караула в тронном зале тоже сияли шестью лучами. Блеск металла резал глаза, а острые копыя трона вздымались к каменным сводам зала. Элияху не ожидал, что

ему дадут приблизиться к Владыке. Бывший руководитель военной генетической лаборатории и имперский чиновник пятого класса не понимал, зачем его привезли в Крепость.

Аннигилировать его можно было и на каторжной планете. Приговоренных к медленной и мучительной смерти не допускали к императору.

В Крепость попадали только приближенные к Владыке сановники и даже в прошлой жизни Элияху не мог рассчитывать на такие почести.

Щиты разомкнулись с неприятным лязгом. Императорская гвардия словно растворилась в сиянии металла и тронный зал стал сумрачнее. Наверху витала серая дымка, сочащаяся сквозь высеченные в камне окна.

На прощанье кто-то из Легионеров опять провел браслетом рядом с Элияху. Каторжанин снова не мог двинуться с места, однако дисциплинарный разряд позволял ему говорить.

– Или плюнуть в лицо мерзавцу, – он облизал пересохшие губы, – хотя тогда меня точно распылят на месте.

Легионеров вооружали мощными аннигиляторами, превращающими живое создание в лужицу темной скверно пахнущей жидкости. На каторжных планетах публичные аннигиляции проводили каждый день. После казни на помост выпускали калек с отрубленными конечностями. Торсы извивались, пытаясь достичь быстро высыхающих лужиц. Этих заключенных держали на голодном пайке. Языки лакали человеческие останки, а над рядами каторжан гремел высоकोмерный голос:

– Падайте ниц, – заключенные повиновались, – благодарите императора за его милость. Вам оставили жизнь, чего вы не заслуживаете.

Заключенные и так стояли на коленях, но сейчас его не заставили падать ниц. Шаги Императора отзывались эхом в холодном граните зала, а его просторное одеяние, шуршащее по камням, светилось тусклой бронзой.

– Волосы у него такого же цвета, – понял Элияху, – словно небеса на Ящерице.

Он давно не видел голубого неба. На Лаборатории, планете ученых, где он работал раньше, горизонт застилали серые тучи, а на каторжных планетах Ящерицы небо окрашивало сияние угасающей звезды.

Элияху сначала не понял, что говорит Владыка. Имперский язык напоминал старинное наречие Легионеров, оставшееся в книгах, уцелевших после Третьего Изгнания. Элияху выучил его по сохранившимся обрывкам текстов.

Легионеры разговаривали на бытовом языке. Раньше наречий было два, южное и северное, однако диалекты давно слились. Писали они похожими на имперские крючками.

– Мне нужна твоя помощь, – Император остановился рядом. – Мне сказали, что ты был гениальным ученым.

В имперском языке не существовало вежливой формы обращения. Элияху подозревал, что Император и не стал бы говорить с каторжником в церемонной манере.

– Я и есть гениальный ученый.

Забыв о дисциплинарном разряде, Элияху попытался вскинуть голову. Мышцы шеи пронзила острая боль, но каторжник упрямо повторил:

– Я остался гениальным ученым.

Император склонил голову набок, словно ожидая чего-то. Элияху не собирался сдаваться.

– Я ему потребовался, а не наоборот, – каторжник скрыл усмешку. – Он не распылит меня за оскорбление его Божественной сущности.

Владыка и не был вооружен, по крайней мере, открыто. В его глазах цвета тусклого свинца промелькнул интерес.

– Хорошо, – кивнул Император, – потому что скоро должен появиться на свет наследник трона.

Элияху Бен-Шалом не любил вспоминать о тех временах.

– Они все мертвы, – старик собрал охапку вкусно пахнущих ветвей. – Я никогда не увижу ни Шуламит, ни Владыку, ни мальчика, которого она ждала.

Бен-Шалома вернули на Ящерицу, когда, по выражению Императора, все пошло на лад. Тогдашний каторжник не ожидал прощения или снисхождения.

– Надо сказать спасибо, что меня не распылили на месте, – он двинулся к поселению. – Я нашел лазейку в работе имперских генетиков и воспользовался ей, а больше Владыка во мне не нуждался.

Материалы его работы перекочевали в засекреченные имперские хранилища. Элияху мог повторить ход своих мыслей, однако на Соколе ничего взламывать не требовалось.

Сигаль была его возраста и на детей им надеяться не приходилось. Жители империи часто использовали репродуктивные машины, однако на этой планете таких не водилось.

Почти тридцать лет назад тогдашний каторжник удивился старомодному пути, выбранному Владыкой для появления на свет наследника. Императору не задавали вопросов, однако, изучив древние документы, Элияху понял, что Владыки предпочитали естественный ход событий.

– Словно они происходят из Легионеров, – хмыкнул Бен-Шалом, – потому что нам тожж запрещено прибегать к услугам машин.

За чистотой крови Легионеров следила империя. Союзы заключались по разрешению отдела, ведавшего их народом, хотя размножение поощрялось и до брака.

– Даже приветствовалось, – вспомнил Элияху. – Я несколько раз сдавал генетический материал.

Сейчас речь шла о другом.

– Мои предки, – император указал на гранитные стены, – избирали матерей наследников из твоего народа.

Он окинул каторжника цепким взглядом.

– Тогда вы еще не понесли наказания за предательство. Взломай коды древних ученых и ты выживешь.

Темно-зеленые листья пятнистых веток щекотали лицо и он прислушался.

– Кто-то кричит, – Бен-Шалом ускорил шаг. – Что могло случиться?

Беглые каторжники приноровились к здешней погоде. Сухая красноватая земля оказалась плодородной. Они выращивали местные деревья с кисловатыми оранжевыми плодами. Поймав мирно клюющих траву птиц, поселенцы обеспечили себя мясом и яйцами. Иногда они выбирались к богатому рыбой океану.

Старик понятия не имел, кто раньше жил на этой планете.

– Но кто-то жил, – Элияху остановился. – Место напоминает рай, как писали в старых книгах.

Сигаль прихрамывала на искаленную на каторге ногу. Седоватые волосы развевались за плечами и жена запыхалась. От участка, где кругом стояли дома, доносились радостные голоса.

Ветви полетели на утоптанную землю и жена взяла его ладони.

– Империи больше нет, – Сигаль плакала, – Император свергнут! Слышишь, милый? Появилось Содружество и сюда прилетели его посланцы, юноша и девушка. Он Легионер. Вам еще не придумали другого имени, но это обязательно случится. Его зовут Михаэль Мандельбаум.

Элияху заставил себя устоять на ногах.

– Девушка, – подумал он, – Шуламит сейчас было бы за пятьдесят, – его сердце трепыхнулось. – Она любила не Императора, а меня.

Бен-Шалом заторопился к хижинам.

Парень и девушка в старой форме астролетчиков сменили имперские шевроны с крылатым мечом на эмблему с эллипсами и звездами. Старик решил, что это символ нового Содружества.

– Они спрашивали о тебе, – зашептала Сигаль. – Мальчик – капитан корабля.

Над широкими плечами в потрепанной куртке космического флота поднималась изящно посаженная бронзоволодая голова. Его осанка показалась знакомой Бен-Шалому.

– Глаза у него другие, – парень повернулся. – Материнские, цвета лазоревого неба. Ему должны были все сказать после совершеннолетия, но, кажется, не успели.

Капитан шагнул вперед.

– Меня зовут Михаэль, – он протянул руку. – Я сын Шуламит Мандельбаум. Вы Элияху Бен-Шалом и вы знали мою мать, да?

Элияху коснулся его крепких пальцев.

– Я не солгу, – понял старик, – хотя солгать все равно придется.

Он кивнул: «Да».

Шуламит прикрыла белокурые волосы капюшоном. В воздухе висела морось, а за гранитными стенами императорского дворца ревела буря. Они ничего не могли сказать друг другу.

– Нам и не надо говорить, – Элияху не мог отвести от нее глаз. – Мы давно все сказали.

Он помнил прикосновение ее маленьких сильных рук.

– Я его не люблю, – шептала Шуламит. – Я люблю тебя, милый. Так случается в легендах, но я полюбила тебя, как только увидела.

Капитан императорской охраны знала укромные местечки во дворце. К удивлению Элияху, Владыка разрешил ему передвигаться без конвоя.

– Тебе надо работать с соцветием, – так называли будущую мать наследника, – и посторонние люди при этом неудобны.

Император оскалил острые зубы.

– Отсюда все равно невозможно сбежать.

Элияху стоял на сером граните двора. Жужжали крылья прозрачной лодки, а под ее капюшоном золотился обруч Легионеров.

– О как прекрасна ты, возлюбленная моя, – зашевелились губы Элияху. – Как ты прекрасна. Мед и молоко под языком твоим, сестра моя, невеста моя.

Они с Шуламит не могли рисковать.

– Это только мой ребенок, – зло сказала женщина, – он не заберет мальчика.

Элияху поправил ее: «Наш ребенок». Он помолчал.

– Но как ты выберешься отсюда с малышом, Шуламит?

Он помнил прикосновение ее мягких губ.

– Я что-нибудь придумаю, – шепнула женщина. – Я не стану дожидаться родов, потому что теперь я знаю, где тебя искать.

Ветер взметнул серебристый плащ и крылатая лодка опустилась на гранитные плиты. Его опять обездвигили дисциплинарными разрядами. Элияху не мог обернуться, чтобы посмотреть в ее глаза почти забытой им лазури.

Император небрежно заметил:

– Матери наследников получают хорошие должности и их осыпают почестями, однако дети воспитываются в интернатах, потому что Владыка должен узнать жизнь народа.

Он усмехнулся.

– Я услышал о своем происхождении только после совершеннолетия и так случится с моим наследником, – Владыка подошел к нему.

– Сотвори мне сына и ты покинешь Крепость живым. Он станет наполовину Легионером, – свинцовые глаза затуманились, – из него выйдет великий Император.

Пятнистые деревья окружали десантный бот. «Стремление» приземлилось рядом со старинной посудиною бывших каторжников. Шелестели темно-зеленые листья, а по камням звенел ручей. Михаэль бродил по чистой воде.

– Здесь рыбы нет, – смешливо сказал старик, – речушка мелкая. На океане мы порыбачим вволю. Зато здесь полно растений, – он выпустил клуб ароматного дыма. – Я таких и не видел никогда, а я объездил много звездных систем.

Капитан Мандельбаум искоса посмотрел на отца. Элияху крошил сушеные листья старинного вида ножом.

Он позвал:

– Иди сюда, милый, потому что у тебя ноги заledenели.

Вспомнив почти десять лет войны, Михаэль улыбнулся. Присев рядом с отцом, он принял свернутый листок.

– Эта трава и дикой попадает, – заметил отец, – но мы растим ее в огородах, как те красные плоды, что понравились твоей жене. Хорошая она у тебя, – ласково добавил Элияху. – Праведную женщину кто найдет, цена ее выше рубинов. Твоя мать такой была, благословенной памяти.

Михаэль привалился головой к его крепкому плечу.

– Ты думаешь, что ее казнили, папа?

Искривленные пальцы старика перебирали сушеную траву.

– Она хотела бежать из Крепости, – ответил Элияху, – спасти меня с Ящерицы и жить тихо на дальней планете. У нее не получилось и ты так и не увидел мать.

Михаэль не выпускал его руки.

– Я нашел тебя, – капитан подмигнул ему, – а насчет вашей планеты мы подумаем. Легионерам стоит переселиться сюда, чтобы у нас появился свой дом.

Михаэль помолчал.

– Папа, – робко сказал капитан, – удастся тебе помочь нам с Мо? Я слышал, что код имперских генетиков никак не взломать и такого никогда не случалось.

Элияху чуть не ответил: «Случалось».

– Не след мальчику что-то знать, – Михаэль напоминал Императора. – Я считаю его своим сыном. Шуламит любила меня и нельзя предавать ее память.

Он поднялся.

– Посмотрим, милый. Остроты ума я не потерял, но здесь надо возвести лабораторию.

Михаэль уверил его:

– Возведем, папа. Империя скоро забудется и мы заживем в новом мире, где все будет по-другому.

Элияху слушал щебет птиц в листьях. Ветер гнал по лазоревому небу облака.

Он взглянул на сына Императора.

– Сколько раз такое говорили? Но, может быть, мальчик прав и действительно все изменится.

Элияху забросил на плечо старинную сумку астролетчиков.

– Хорошо, – добродушно ответил он, – травы мы набрали. Пойдем, милый, потому что нас заждались дома.

Держась за руки, отец и сын двинулись к поселению.

Мужчина с Марса, женщина с Венеры

Автоматическая линия обслуживания, замигав красным огоньком, скрипуче сказала: «Ваш идентификационный номер не распознан. Повторите ввод».

Я пнула острым носком сапога проклятую машинку. В голову лезли сочные венерианские ругательства, однако даже лишившись привычного стакана с алькафом, я не могла распускать язык. В моих занятиях ценились сдержанность и спокойствие.

– Номер венерианский, – сказала я в динамик. – Они обслуживаются на Луне.

Насквозь фальшивый номер сработал на борту туристического чартера, и в гостинице, набитой ражими венерианскими шахтерами, закутанными в толстые свитера. Жители моей родной планеты, попав в прохладную атмосферу, немедленно облачались во все самое теплое. Я тоже захватила сюда меховую накидку, переливающуюся леопардовыми искрами. Судя по нарядам спутниц шахтеров, я не прогадала.

Ровное мигание красного огонька сменилось суматошными сигналами. Машина перегрелась, разрываясь между желанием помочь постояльцу и встроенными в нее инструкциями.

– Позволь мне, – раздался вежливый голос сзади.

Альфред ловко воткнул в гнездо машинки штырек. Три года назад, отыскав на марсианском складе битой техники останки того, кто теперь звался Альфредом, я, ни на секунду не усомнившись, отдала за него тысячу кредитов, мой обычный заработок за тайную миссию.

С космосом моя работа ничего общего не имела. Путешествуя в пространстве пассажиров, я не стремилась оказаться дальше пояса астероидов.

Всполохи огонька сменились ровным светом. Шайтан-машинка, как звал их Альфред, довольно заурчала.

– Стакан алькафа с кокосовым молоком и круассан, – сообщил динамик. – С вашего счета списано два с половиной кредита.

От здешних цен впору было крикнуть, однако в Селенополис, космическую столицу азарта и разврата, не приезжали экономить.

Я возмущенно сказала: «Что за самостоятельность? Я не заказывала круассан!».

– Ты все равно его съешь, – резонно заметил Альфред. – Впереди у нас длинный день.

Мой верный оруженосец был прав. Альфред, разумеется, был исключительно мирным роботом. Разобранный на детали элемент надежно покоился в тайнике внутри моего багажа. Я понятия не имела, понадобится ли мне оружие на сегодняшней встрече.

Потягивая крепкий алькаф, я пробормотала: «Если она вообще состоится. Альфред, что там со знакомствами?».

Сообщение заказчиков предписывало установить в мой коммуникатор популярное приложение для поиска быстрых связей. Паролем оказалась дурацкая фраза: «Мужчина с Марса ищет женщину с Венеры». Я и не ждала ничего оригинального от нелегальных разработчиков редких металлов.

Ребятам требовались геологические карты недавно открытых астероидов. Такие банды действовали наскоком. Космическая полиция не могла патрулировать тысячи крохотных планет. Крупные корпорации, вцепившиеся словно клещи, в давние месторождения, беспокоились только о своей безопасности. С их охранниками лучше было не сталкиваться, как доказывал один из моих немногих шрамов.

За десять лет карьеры промышленного шпиона я всегда была осторожна и не собиралась изменять своим привычкам.

Бандиты не задерживались надолго в поясе астероидов. Опустошив недра очередной планеты, они продавали ископаемые на черном рынке. Редкие металлы шли к серым производителям боевых элементов, навигационных систем, и даже двигателей для космических кораблей.

Альфред тоже не получился бы без редкоземельных элементов. Робот не блистал красотой. Я предполагала, что на Земле Альфред выглядел по-другому, однако мне требовалась надежность, а слишком роскошный робот мог привлечь ненужное внимание.

Пока что С. Миллер, скромная работница венерианских заводов, не заинтересовала ни пограничный контроль на Афродита-Филдс, главном космодроме планеты, ни лунную полицию. Передвижение по солнечной системе не требовало виз, однако на Землю мы, жители бывших ее колоний, попасть не могли.

На стене моего номера красовалась проекция лазурного шара. На Луне, как и везд в Системе, жизнь текла исключительно в недрах, однако отсюда Землю было видно лучше всего, чем всю пользовались местные жители. Экскурсия на поверхность с наблюдением Земли из мощного телескопа стоила целых пятьдесят кредитов.

Я никогда не понимала ностальгии у людей, триста лет не ступавших на Землю, отгородившуюся от Системы после разрушительной войны, когда бывшие колонии отделились от метрополии. Земляне не появлялись в космосе, однако целая армия контрабандистов доставляла тамошний мусор на планеты Системы.

Я предполагала, что на Земле Альфреда списали, как выражались на свалках металла, вчистую, однако для хорошего инженера не было ничего невозможного.

– Себя не похвалишь, кто же похвалит? – раздался смешливый голос Альфреда.

Земные роботы ценились за их преданность хозяину и лингвистические способности. Венерианская или марсианская продукция могла только рапортовать, как солдат на плацу. Спотхавшись, я поняла, что размышляю вслух.

– Оставь эту привычку, лейтенант-инженер, – посоветовал Альфред. – Разведчик ошибается только раз.

Внутренности Альфреда, облаченные в самую неприметную внешность, таили в себе доселе неизвестные мне пословицы и поговорки. Языки Системы были схожи и мы без труда понимали друг друга, однако на Земле, по словам Альфреда, пользовались разными наречиями.

– Но это же неудобно, – однажды изумилась я.

Альфред совершенно по-человечески развел коротенькими манипуляторами.

– Поэтому нужны переводчики, как я, – гордо сказал робот.

На тайной свалке техники Альфред лишился большей части памяти. Робот не мог пролить свет на современное положение дел на Земле, однако он был набит ненужными, но интересными сведениями. Еще один выживший узел заставлял Альфреда упорно обращаться ко мне по давно утерянному воинскому званию.

Я объяснила, что трибунал лишил меня офицерских нашивок и собирался лишить и головы, не оказавшись я сообразительней бывших коллег по армейской службе.

– Я десять лет провела в бегах, – фыркнула я. – Забудь о моем звании.

– Все равно, – упрямо сказал робот. – Офицер есть офицер.

Расспрашивать его о земной армии было бесполезно. Земля оцетинилась поясом боевых станций, расстреливающих любой корабль, осмелившийся открыто проникнуть в территориальное пространство планеты.

Я понятия не имела, как контрабандисты попадают на Землю, однако намеревалась рано или поздно это выяснить. Прибыли от серой торговли с Землей измерялись шестизначными цифрами.

Вытянув длинные ноги в блестящих лаком сапогах, я весело отозвалась:

– От тебя похвалы не дождешься. Что мужчины с Марса?

Альфред деловито погудел, мигая тусклыми огоньками.

– Один есть, – победно сказал робот. – Мужчина с Марса ищет женщину с Венеры и ждет ее каждый вечер в панорамном баре «Диана».

Никаких панорам в подлунных городах не существовало, но предприимчивые хозяева питейных заведений проецировали в бары и рестораны изображения с поверхности спутника.

– Близок локоть, да не укусишь, – я разглядывала лазурный шар на стене. – Альфред, как попадают на Землю в обход границы?

Всплеснув манипуляторами, робот понурился: «Я знал, лейтенант-инженер, но все забыл». Я ободряюще погладила теплый металл его корпуса.

– Ничего, я выясню сама. Мужчина с Марса приложил снимок?

Земля на стене сменилась толстой рожей парня самого непривлекательного вида. Едва не подавившись алькафом, я искренне сказала:

– Ну и жаба. Очередь из венерианок к нему не выстроится, но для меня так лучше. Меньше народа, как говорится, больше кислорода.

Резво вскочив, я велела Альфреду: «Тащи багаж. Займемся элементом». Робот задумчиво помахал манипулятором: «Ты ожидаешь провокации сегодня вечером».

Я хмыкнула: «Надо всегда оставаться начеку. Под видом этого парня в баре может появиться кто угодно».

На космодроме Селенополиса, в очереди к автомату проверки документов, я натолкнулась на очередное свое изображение, не имеющее почти ничего общего с реальностью.

На снимке десятилетней давности, сделанном в военной тюрьме на Венере, красовалась тощая девица с поджатыми губами и крысиным хвостом на голове. Среди звероподобных рож других преступников я смотрелась, как выразился бы Альфред, девочкой-припевочкой. Под снимком красовалась внушительная гроздь моих имен, начинавшаяся с первого, давно забытого.

Я родилась до падения венерианской диктатуры, когда всем гражданам моего происхождения обязательно давали имена, отличавшие нас от остальных. Расправившись с этим унижением, восстание снесло и стены особых городов, откуда нас никогда не выпускали. С удовольствием сорвав унизительную нашивку со рукава комбинезона, я сменила ее на курсантские погоны, недоступные для меня до революции.

Военным следователям мое предательство казалось особенно болезненным.

– Потому что революция дала мне все, а я плюнула ей в лицо, – усмехнулась я. – Пошли они к черту.

За десять лет крысиный хвостик сменился роскошными, сейчас темно-рыжими локонами, а плоская грудь превратилась во внушительные округлости. Альфред заявил бы, что кредиты решают все.

– И был бы прав, – сказала я роботу. – Ты всегда прав, милый.

– Я знаю, – Альфред аккуратно вынул из тайника детали элемента.

Над моей головой просвистела летательная платформа. Местные парни гоняли по воздуху, не обращая внимания на оживленную толпу на бульваре Армстронга, главной улице Селенополиса. Своды тоннелей, врезанных в толщу лунной коры, терялись на километровой высоте. На здешнем космодроме мы даже не ступили на поверхность спутника. Огромные платформы в шахтах доставляли пассажиров к пограничному контролю и таможне.

Я не собиралась покидать Луну регулярным рейсом. После выполнения миссии у меня должно было появиться достаточно кредитов для фрахта личного корабля. Для покупки требовались более надежные документы, чем фальшивое удостоверение личности никогда не существовавшей С. Миллер.

С кораблем я могла выбиться на самый верх серого мира промышленных шпионов и контрабандистов. Зафрахтованную посудину тоже могла остановить межпланетная полиция, однако взятки с меня были гладки. Капитаны, перегоняющие корабли, никого не интересовали. Я и не ожидала, что межпланы, ленивые разжиревшие твари, сунутся дальше территориального пространства Луны.

Судя по обилию забегаловок на бульваре Армстронга, разжиреть на Луне было проще простого. Со всех сторон неслись заманчивые запахи фальшивого перечежного соуса, фальшивой курицы в фальшивой арахисовой панировке и фальшивой жареной рыбы с таким же искусственным уксусом.

Альфред рассказывал о настоящей еде, однако я не могла представить кусок натурального мяса. С овощами было проще. На планетах существовали подземные теплицы, но картошка или яблоки оставались уделом богачей. На Земле, по уверениям робота, яблоки росли на деревьях. Я твердо намеревалась побывать на давно оставленной моими предками планете.

– Табак, табак, дешевый табак!

Я вздрогнула от резкого голоса тощего мальчишки в затасканном сером комбинезоне, обычной одежде селенитов. Парень совал мне под нос ручной лоток с россыпью самодельных папирос.

– Табак, травка, бери, не пожалеешь!

На такую ерунду не тратили драгоценное пространство государственных оранжерей, но селениты свободно выращивали стимулянты дома. На моей родной планете еще пятнадцать лет назад кустик табака в горшке мог отправить человека в тюрьму.

Отмахнувшись от парня, я подняла голову. Огромная вывеска «Бар Диана. Лучшая выпивка на Луне. Земля как на ладони!» переливалась разноцветными огнями. Судя по очереди ко входу, заведение пользовалось популярностью главным образом у венерианских туристов. Я уловила родной акцент в речи патронов.

– Не зря говорят, что мы лучше всех в Системе уходим в отрыв, – усмехнулась я. – Мы не можем поверить, что оказались на свободе.

Венерианцы хранили обиду на жителей других планет, и пальцем о палец не ударивших, пока наш диктатор издавал один безумный закон за другим. Из шахт на грузовые космодромы шел поток полезных ископаемых, а марсианским и лунным туристам показывали красивую обложку жизни на Венере. Об истинной изнанке дела знали все, но никого она не интересовала. Сейчас все изменилось, но, как говорил Альфред, осадок остался.

Я очнулась от вежливого голоса робота.

– Мы собираемся стоять в очереди? – поинтересовался Альфред.

Мой единственный спутник жизни, как я называла робота, никогда не позволил бы себе высказать недовольство открыто.

– Разумеется, нет, – я оглянулась. – Отлично, вот и черный ход.

Смешавшись с толпой, осаждающей громил у светящихся парадных колонн «Дианы», мы с Альфредом нырнули в низкую дверь.

Я не в первый раз оказывалась за кулисами ночного клуба. Распущенные по плечам волосы, расстегнутая в стратегически важном месте пуговица на рубашке и выставленный вперед подбородок заранее отвечали на любые неуместные вопросы. Элемен притворялся одним из манипуляторов Альфреда, скромно катившегося вслед за мной.

Отодвинув переливающуюся радужную портьеру, я присвистнула: «И вправду, жаба».

Пресловутый мужчина с Марса обосновался за угловым столиком. На танцполе бесновались девчонки в нарисованных на теле платьях и разукрашенные золотыми цепями и татуировками парни. Мой контакт обошелся без выбритого черепа, инкрустированного венерианскими бриллиантами или не менее модной голографической татуировки. Уродливая голова покоилась на закутанном в темную хламиду теле.

– И не разобрать какого он роста, – я прищурилась. – Какая разница, надо брать быка за рога.

Я решительно направилась к его столику.

В бокале с замороженным шампанским звякнула льдинка. Я меланхолично выдохнула дым. Лед единственный не притворялся чем-то другим, хотя табак тоже оказался натуральным и даже неплохим.

Приличные заведения покупали папиросы у крупных фермеров, следящих за качеством товара, а лед на Луне добывали вот уже триста лет.

Едва присев за столик, я поняла, что так называемый мужчина с Марса носит искусно сделанную маску. Я и сама пользовалась такими. Их создатели достигли почти фотографической точности. Разглядывая усеянную бородавками складчатую шею незнакомца, я заметила:

– С такой внешностью тебе не грозил наплыв венерианок.

Альфред, устроившийся рядом с моим креслом, укоризненно помигал индикаторами. Робот часто корил меня за острый язык.

Парень неожиданно улыбнулся.

– И очень хорошо, в наших делах толпа ни к чему. Гони кредиты, – потребовал он.

– Утром деньги, вечером стулья, – я разгрызла льдинку. – Сначала покажи товар.

Зорко взглянув на меня, незнакомец заинтересовался: «Ты с Земли?». Я откровенно фыркнула.

– Ты когда-нибудь видел землянина в космосе? Они сидят за железным занавесом и не высовывают нос наружу. Я просто люблю древние книги.

Это было полуправдой, однако я не хотела выворачиваться наизнанку перед незнакомцем. Земные роботы ценились на вес золота. Упомяни я о происхождении Альфреда, вечер мог бы закончиться преждевременно, но робот, в памяти которого хранились все земные библиотеки, действительно приохотил меня к чтению.

– Ясно, – парень погладил жирный подбородок. – Тогда смотри.

Над столом пронесся робот-пчела. Таких использовали для слежки и передачи данных. Обычные виртуальные каналы часто бывали опасны. Альфред с готовностью приподнял щиток. Впившись в гнездо, пчела деловито зажужжала. На экране появился фрагмент карты.

– Все в порядке, – облегченно сказала я. – Десять тысяч сейчас, а остальное после завершения трансфера. Альфред, давай.

Пчела сыто крикнула. Парень внезапно заметил: «Ты получишь какую-то жалкую тысячу». Я только вскинула бровь. Он добавил:

– Я в курсе заработков посредников. За тысячу кредитов ты рискуешь головой.

Альфред помигал индикаторами. Осушив бокал, я коротко ответила.

– Рискую и пью шампанское. Ты можешь предложить мне что-то другое?

Перегнувшись через стол, незнакомец шепнул: «Да. Свободу».

Катясь вслед за мной по унылому бетонному коридору, Альфред озабоченно сказал:

– Мы можем попасть в ловушку, лейтенант-инженер. В конце концов, ты не знаешь, как он выглядит на самом деле.

Я пожалала худыми плечами в неприметной серой куртке. Леопардовый мех и блестящие сапоги с утра отправились в утилизатор. Вслед за ними полетела моя косметика. Рассматривая себя в зеркале, я пробормотала: «Серая Чайка возвращается на сцену».

Так меня звали в подполье, где я работала до свержения диктатуры, пятнадцатилетней девчонкой. Для революции мы оказались слишком радикальны. Мои бывшие товарищи закончили жизнь на эшафоте или рассеялись по другим планетам, но я не собиралась их искать.

– Теперь я солдат удачи, – сказала я своему отражению. – Мне нужны кредиты и корабль и нечего думать о прошлом.

Кредиты пришли на мой счет ранним утром, когда заказчики в неизвестном мне уголке Системы разобрались с картами недавно открытых астероидов. Корабль мне обещал Жаба, как

я звала про себя недавно встреченного марсианина. Альфред, впрочем, сомневался, что парень действительно явился с Марса.

Потягивая алькаф, я прослушала скучнейшую лекцию робота о разных акцентах Системы. Альфред считал, что незнакомец, как и я, родился на Венере.

– Он употребляет и земные слова, – добавил робот. – Хотя их много в языках Системы. Все-таки вы происходите от землян.

Закинув ногу на ногу, я пыхнула папиросой.

– Они нас и в грош не ставили, – зло сказала я. – На планеты Системы ссылали преступников, а их потомкам запретили въезд на Землю. Земляне выкачивали нашими руками наши полезные ископаемые и только война расставила все по местам.

– Как обычно, – вздохнул Альфред. – Если ты считаешь, что все безопасно, то я разберу элемен.

Я невесело покачала головой: «Не говори гоп, пока не перепрыгнешь».

До космодрома мы с Альфредом добрались на разгонной летательной платформе. Я опасалась местной полиции, однако в шесть утра в воскресенье Селенополис сладко спал. Вчера в баре Жаба поделился со мной планом взлетных площадок.

– Корабль стоит здесь, – объяснил марсианин. – Посудина надежная, а что касается остального, то все просто. Делим прибыль пополам и никакой романтики.

Он пощелкал неожиданно изящными пальцами. Я открыла рот, но Альфред коснулся манипулятором моего колена. Робот был прав. Не стоило оскорблять нового делового партнера.

Коридор заканчивался распахнутыми железными воротами. Жаба не обманул. Передо мной возвышался потрепанный, но приличный космический трудяга. На таких летали парни из дальней разведки, которую могли позволить себе только крупные корпорации. Корабль стандартно брал на борт пилота-штурмана и бортинженера.

У меня отчего-то часто забилося сердце. Люк трудяги призывно откинули.

Жаба мог оказаться полицейским или наемным убийцей, но я надеялась на элемен и мою привычку выходить сухой из любой передраги. Не обращая внимания на озабоченное жужжание Альфреда, я забралась внутрь.

Под ногами валялась небрежно брошенная уродливая маска. Развалившись в пилотском кресле, парень невозмутимо покуривал. Я уже где-то видела это жесткое загорелое лицо, коротко стриженные темные волосы. На виске серебрилась седая прядь. Лазоревые глаза весело взглянули на меня.

– За десять лет я сильно изменился, Чайка, но мне кажется, что ты меня узнала.

Я уцепилась ослабевшими пальцами за крышку люка.

– Сокол, но ходили слухи, что тебя казнили...

Бывший руководитель нашей подпольной ячейки, подмигнув, крутанул кресло бортинженера.

– Чтобы меня казнить, надо постараться, Чайка. Садись, вчерашнее предложение остается в силе.

Заметив мой открытый рот, он поднял руку: «Потом я тебе все расскажу. Твой робот здесь?».

Альфред любезно помигал огоньками: «Слушаю вас, капитан». Сокол присвистнул:

– Молодец, сечешь, что к чему. Ты знаком с Землей?

Я открыла рот еще шире. Альфред с достоинством отозвался: «Разумеется».

Сокол включил двигатели корабля.

– Отлично. В космосе ты, кажется, бесполезен, но пригодишься после посадки. Чайка, пристегни ремни, нас протрясет по полной.

Я не могла поверить, что Сокол жив. Незаметно изучая его лицо, я натолкнулась на свежий шрам пониже уха. Капитан перехватил мой взгляд,

– Я навестил Землю, – подмигнул Сокол. – И обещал тамошним товарищам вернуться.

Массивные плиты над кораблем разошлись в стороны. Автоматический диспетчер вежливо сказал:

– «Красная звезда», даю разрешение на вылет. Легкого космоса.

– Товарищам... – глупо повторила я. Сокол усмехнулся.

– Скоро ты все увидишь. Я умею обходить защитные станции землян. Полетели раскачивать нашу родину, Чайка.

Серая лунная поверхность уходила вдаль. На черном бархате космоса переливалось голубое сияние Земли. Двигатели заревели и корабль превратился в сверкающую точку среди мириад колючих звезд.

Башни забвения

На совещании Кребс резко заявил, что с акцией они справятся сами. Не желая открыто спорить с руководителем земного Сопротивления, я искоса взглянул на Чайку. На ее впалых щеках заиграли желваки, но девушка тоже предпочла смолчать. За десять лет бывшая подпольщица, лейтенант-инженер венерианской армии и шпионка не растеряла партийной дисциплины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.